Третье чтение

Александр Ильич Ульянов — защитник Пушкина?

К. Ю. Зубков

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Если читатель, прочтя название статьи, решил, что оно дано в шутку, то он ошибся[1].

А. И. Рейтблат. Пушкин-гимнаст

Одним из наиболее одиозных деятелей русской журналистики середины 19 века был С. О. Бурачок, издатель журнала «Маяк», выходившего в первой половине 1840-х гг. Руководствуясь в своей практике понятыми в архиконсервативном духе идеалами православия, он воспринимал почти все события современной ему российской истории и почти все произведения современной ему русской литературы, даже созданные в крайне консервативном духе, как исполненные безнравственности и атеизма. С точки зрения Бурачка, ни этических, ни эстетических достоинств нельзя было найти в сочинениях не только М. Ю. Лермонтова, но, например, В. А. Жуковского или И.-В. Гете. Более того, издатель «Маяка», видимо, искренне не видел никакой принципиальной разницы между произведениями этих авторов. Издававшийся Бурачком журнал обычно не вызывал никакой литературной полемики, поскольку большая часть литераторов считала унизительным полемизировать с мнениями «Маяка». Среди немногочисленных отзывов о Бурачке и его литературной позиции известны презрительные комментарии В. Г. Белинского. Впрочем, схожее отношение «Маяк» вызывал даже у Ап. А. Григорьева, отличавшегося далеко не либеральными воззрениями. В 1861 г. Григорьев вспомнил давно забытый «Маяк» и посвятил ему статью с выразительным названием «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия».

---

1 *Рейтблат А. И.* Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014. С. 291.

В силу крайне своеобразных интересов редакции, лишь очень немногие материалы из «Маяка» обсуждались литературной критикой своего времени: тем для обсуждения с Бурачком у критиков не оставалось. На этом фоне выделяется помещенный в журнале цикл статей А.М. Мартынова при участии Бурачка «Подробный обзор стихотворений А.С. Пушкина» (1843), посвященных «Сочинениям» Пушкина — изданию, вызвавшему знаменитый цикл статей Белинского. Последняя из этих статей помещена в 21 номере журнала за этот год. В ней (как, впрочем, и в других статьях цикла) доказывается, что Пушкин «только искусный стихотворец, большею частью заблуждавшийся с своим дарованием по следам мишурной эстетики и пока ничего не произведший великого, бессмертного. Скоро, скоро умрут его безжизненные, мишурные произведения»[1]. [redacted] Разумеется, серьезной полемики с Мартыновым ни один из критиков не вел — его общие эстетические принципы настолько расходились с «горизонтом ожидания» критиков 1840-х гг., что всерьез воспринимать его статьи этим критикам не удалось. Мартынов вообще не интересовался никакими романтическими теориями искусства, понятия «художественность» и «народность» трактовал в крайне специфическом ключе, а главное — не признавал эстетическую автономию произведения искусства, а потому считал возможным, например, бескомпромиссно осуждать автора как вредного и безнравственного, если какое бы то ни было суждение, высказанное им или его героями, не соответствовало прописной морали. Мартынов, судя по всему, тоже не понимал позицию своих оппонентов, которые, например, полагали, что поэт может писать от лица условного субъекта, не совпадающего с автором. Однако на некоторых читателей его статьи все же произвели сильное впечатление.

Полная подборка номеров «Маяка» сохранилась в Российской национальной библиотеке, куда эти номера поступили сразу же после их появления. На последней странице последней статьи Мартынова в библиотечном экземпляре стоит карандашная помета в старой орфографии:

Вывод статьи следующий: каждый порядочный человек дал бы Вам, г-н Мартынов, пощечину! Вы указываете на уродливость и бледность в произведениях Пушкина!!!

Под этой пометой находится подпись чернилами:

Саша Ульянов[1]

---

1 Маяк. 1843. Кн. 19. Гл. IV. С. 33.

Мы затрудняемся определить, одной ли рукой написаны приписка и подпись. Впрочем, даже если писали разные читатели журнала, несомненно, что «Саша Ульянов» решил «лайкнуть»[2] гневный комментарий.

Конечно, однозначно установить, кем был негодующий читатель (или читатели), затруднительно: ни имя его, ни фамилия не относятся к числу редких. Очевидно, впрочем, что читатель этот увлекался литературой, был склонен оценивать литературно-критические выступления по критериям нравственности, придерживался жесткой этической системы, в которой некая корпорация «порядочных людей» должна была защищать Пушкина от любого хулителя. Все эти причины дают возможность предположить, что автором приписки был самый известный в русской истории Саша Ульянов — террорист-народоволец и родной брат В.И. Ульянова-Ленина. [redacted] В студенческие годы А.И. Ульянов жил в Петербурге; как почти любой петербургский студент (и как его младший брат), посещал Публичную библиотеку, был членом Научно-литературного общества под руководством профессора О.Ф. Миллера, известного специалиста по русской литературе и был, судя по всему, типичным народником, то есть человеком, вообще склонным судить об окружающей реальности в рамках очень упрощенных противопоставлений «черного» и «белого». Если именно он в негодовании посулил Мартынову пощечину, то сделано это было в сер. 1880-х гг., когда Ульянов был петербургским студентом. Конечно, это предположение остается совершенно не обязательной гипотезой и в качестве таковой должно рассматриваться далее.

Если автором приписки действительно был А.И. Ульянов, она проливает свет на восприятие литературы русским радикалом конца XIX в., не занимавшимся специально литературой. Вообще сознание русского интеллигента-радикала во многом определялось литературными моделями[3], однако его представления о смысле

---

1 См.: Маяк. 1843. Кн. 21. Гл. IV. С. 145.

2 На это выражение нас натолкнуло обсуждение обнаруженной нами приписки в аккаунте Facebook Н. Г. Комелиной.

3 См. об этом на материале произведений и биографий представителей радикального лагеря разных десятилетий: *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1995; *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начала XX века. М., 1999.

и содержании литературных произведений могли сильно варьироваться. Одной из наиболее характерных черт типичного литературного «нигилиста», начиная с тургеневского Базарова, было презрительное отношение к классической русской литературе, воплощением которой для русского читателя был, конечно, Пушкин. Как и руководствовавшийся совершенно другими идеями Мартынов, «нигилисты» обычно осуждали Пушкина из этических соображений: он воспринимался как «бесполезный» писатель, не посвящавший произведений анализу социальных проблем. [redacted] Разумеется, наиболее известным среди выступавших против Пушкина «реалистов» был Д.И. Писарев, в статье «Пушкин и Белинский» (1865) выдвинувший против Пушкина множество резких обвинений именно на основании этических соображений:

«Позвольте, господин Пушкин,— скажут мыслящие реалисты,— какие же добрые чувства вы пробуждали? Привязанность к друзьям и товарищам детства? Но разве же эти чувства нуждаются в пробуждении? Разве есть на свете такие люди, которые были бы неспособны любить своих друзей? И разве эти каменные люди,— если только они существуют,— при звуках вашей лиры сделаются нежными и любвеобильными? — Любовь к красивым женщинам? Любовь к хорошему шампанскому? Презрение к полезному труду? Уважение к благородной праздности? Равнодушие к общественным интересам? Робость и неподвижность мысли во всех основных вопросах миросозерцания? Лучшее из всех этих *добрых чувств*, пробуждавшихся при звуках вашей лиры, есть, разумеется, любовь к красивым женщинам. В этом чувстве действительно нет ничего предосудительного, но, во-первых, можно заметить, что оно достаточно сильно само по себе, без всяких искусственных возбуждений; а во-вторых, должно сознаться, что учредители новейших петербургских танц-классов умеют пробуждать и воспитывать это чувство несравненно успешнее, чем звуки вашей лиры. Что же касается до всех остальных *добрых чувств*, то было бы несравненно лучше, если бы вы их совсем не пробуждали»[1].

---

1 *Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 7. М., 2003. С. 313.

Подход к литературе Писарева и Мартынова схож только своей бескомпромиссностью: идеологическая крайность обоих такова, что не позволяет им рассуждать о произведениях литературы как автономных от социальной действительности. Вообще признание автономии эстетической формы в культуре XIX века подразумевало, вероятно, определенную идеологическую умеренность: чем радикальнее критик был «правым» (как Мартынов) или «левым» (как Писарев), тем меньше он был склонен придавать внимание специфике литературы[1]. Впрочем, подобное отношение к Пушкину разделяли далеко не все «нигилисты» (стоит вспомнить хотя бы полемику об искусстве Писарева [redacted] с М.А. Антоновичем). Переломным моментом стало, вероятно, торжество, посвященное открытию памятника Пушкину (1880)[2]. В этот момент Пушкин окончательно оказался во главе литературного пантеона даже для подавляющего большинства радикалов.

---

1 Значимым исключением оказывается К. Н. Леонтьев, политический радикализм которого выводился из эстетических идей (см.: *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 263–397). В этом смысле Леонтьев был своего рода «Писаревым наоборот»: если Писарев судил об искусстве исключительно на основе социальной действительности, то Леонтьев судил об окружающем социуме как о произведении искусства.

2 См. о торжествах: *Левитт М. Ч.* Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года. СПб., 1994.

В приписке Ульянова характерна типичная для рассуждающего о литературе радикала апелляция к «порядочности», то есть категории этического порядка. Однако по степени решительности своих рассуждений автору приписки далеко до Писарева: упоминание о пощечине критику, поднявшему руку на Пушкина, конечно, не может сравниться с созданием статьи, претендующей на разрушение литературной репутации Пушкина. Если создавший приписку Саша Ульянов и А.И. Ульянов — одно лицо, то здесь возникает любопытный парадокс. В смысле политической деятельности Писарев, написавший всего одну собственно революционную статью, конечно, намного менее радикален, чем казненный за подготовку цареубийства террорист. Однако в эстетической теории «нигилист» 1860-х гг. был значительно более решителен, чем революционер 1880-х гг.